

Глава первая

1

Эта история началась задолго до того, как сотрудники службы по расследованию авиакатастроф совместно с полицией штата наткнулись на старый снимок в сумочке Марго, осматривая обломки, которые всего несколько часов назад разбросало по склону горы. Как и подобранный в цвет чемодан и прочие дорогие вещи, чудесным образом выпавшие неповрежденными перед окончательным взрывом, ярко-красная сумка будто вобрала в себя жизненную силу всех невинных людей, погибших в катастрофе. Совершенно целая сумочка Марго стоимостью в девяносто пять долларов лежала на столе экспертов, безмолвно провозглашая древнейшую истину в краткой истории человечества: вещи долговечней людей.

В наши времена девяностопятидолларовая сумочка однозначно подпадает под категорию предметов роскоши. Катастрофа произошла в 1929 году, в самые бесшабашные, сытые золотые дни, но даже тогда такая красная сумочка была настолько уникальным аксессуаром, присутствием лишь чрезвычайно богатым дамам, что никто не мог увидеть никакой связи между покойной владелицей и девушкой на фотографии пятилетней давности. Марго, разумеется, значилась в списке пассажиров под фамилией мужа — фамилией, которая сразу же объясняла ее возможность иметь такую сумку. Но в то время никто не знал о какой-либо связи между этой фамилией и выцвет-

шей надписью «МЭЛЛОРИ» на вывеске гаража, под которой на фотографии стояли трое молодых людей.

«ГАРАЖ БРАТЬЕВ МЭЛЛОРИ», гласила вывеска, намалеванная прямо над двойными распашными дверями старого сарая; а возле входа бойкая и жизнерадостная девушка возрастом чуть за двадцать стояла между двумя молодыми мужчинами. Все трое слегка шурились от солнца, бьющего им прямо в лицо, и улыбались. Родственное сходство между ними явно проглядывало даже сквозь застенчивые улыбки — столь же очевидное, как и на любой картине, изображающей молодых Медичи до того, как они исполнили свою клятву прийти к абсолютной власти. Молодые люди — несмотря на немалый рост, по сути, еще мальчишки, — возвышались над девушкой в своих рубашках с коротким рукавом, в наш век играющих роль доспехов эпохи Возрождения. Кен с дурашливым величием вскинул вверх разводной ключ, а его младший и более высокий брат, слева от Марго, неловко засунул руки в карманы, настороженно глядя прямо в камеру непроницаемыми умными глазами и улыбаясь грустной милой улыбкой невзрачного парня-домоседа.

Марго держала братьев под руки так, будто тащила их вперед, замерев на мгновение лишь для снимка, и, как только кнопка была нажата, потащила снова, оставляя гараж позади и не оглядываясь. Цель, к которой она стремилась, похоже, находилась где-то за горизонтом, в золотой стране, рассказы о которой она слышала с тоской в сердце. Кен, сжимая ключ, слегка выставил ногу, будто полный решимости идти туда, куда вела сестра; однако Дэви, более высокий брат, держался ровно. Могло показаться, что он отстает, но на самом деле Дэви опережал их на шаг.

На фоне внезапной смерти этот дешевый маленький снимок вызывал мучительное чувство. Он изображал трех молодых людей, пышущих надеждой, юностью, высокими амбициями, и демонстрировал почти все их

скудное имущество, за исключением одного пункта. Там был гараж, при котором они жили; одежда, которую они носили, мало что имея, кроме того, что на себе; в кадр попал и передок подержанного «Доджа-родстера» парней, с университетским вымпелом инженерного факультета на лобовом стекле.

Их единственное имущество, которого не было на фотографии, не видел еще никто, поскольку оно пока представляло собой немногим больше, чем несколько разрозненных набросков, кое-какие расчеты в блокноте и идею в головах братьев. Однако эта идея стала тем мостом, по которому Марго смогла менее чем за пять лет проделать путь от гаража на Среднем Западе до возможности небрежно щеголять сумочкой за девяносто пять долларов; до имени, которое мгновенно узнал бы любой, кто хотя бы иногда заглядывал в финансовые новости; и, конечно же, до своей нелепой смерти в качестве пассажирки роскошного воздушного лайнера.

Эта идея, даже будучи рассказанной следователям, ведущим дело об авиакатастрофе, все равно в 1929 году была бы для них непонятной, но двадцать лет спустя они и вся страна так привыкнут к ней и настолько запутаются во всех ее последствиях — как известных, так и пока не реализованных, — что станет трудно вспомнить время, когда дела обстояли по-другому.

Вместе с губной помадой, пудреницей, носовым платком, портсигаром и скрученной пачкой банкнот на полторы тысячи долларов — на непредвиденные дорожные расходы, — непонятный старый снимок переходил из рук в руки, пока в конце концов не попал к клерку страховой компании. Тот занес его под номером в свою тетрадь и уже собирался бросить в кучу прочих предметов, когда на мгновение замер, сам не зная почему, встревоженный пытливым упорством в глазах более высокого брата, Дэви — самого младшего из троицы. Но тут эксперта подтолкнули под руку, и маленький прямоугольник глянце-

вой бумаги упал на стол. Большой пакет с именем Марго набили ее вещами и опечатали, чтобы отправить мужу и братьям, которые ждали ее, еще не зная, что она мертва. Ждали, чтобы вместе отпраздновать исполнение своей величайшей мечты.

Как и этот эксперт, очень многие сотрудники задерживались на секунду-другую, чтобы еще раз кинуть задумчивый взгляд на Дэви Мэллори, которому на фото едва исполнилось двадцать. Вот почему наше повествование — это в основном история о Дэви. И хотя Марго подталкивала и вела вперед, а Кен был более чем готов идти, именно Дэви мог смотреть выше голов. Он видел тот же горизонт, что и они, но также смотрел намного дальше этого горизонта — туда, где нет ни солнечного света, ни любви, ни гордости; ибо с исполнением каждой клятвы, которые они давали самим себе, приходило и слишком много всего другого.

Ибо даже тогда в глазах Дэви присутствовала тень беспредельной человеческой тоски. Иногда, пообщавшись с ним, люди продолжали думать о нем и после его ухода, поскольку чувствовали, что он предвидит мрачные времена впереди; не только для себя, но и для них и для каждого человека, который живет сейчас или родится позже; и им не хотелось расспрашивать его о подробностях.

Рассказ о Дэви Мэллори правильной всего начать не с него самого, не с его сестры Марго и даже не со старшего брата Кена, которого он боготворил. Скорее, это началось с появления в их жизни человека, который пришел как предзнаменование будущего — как своего собственного, так и их. Как иногда случается в долгом путешествии, когда вы гуляете по незнакомому городу, с виду ничем не отличающемуся от сотен других городков, оставленных позади, и кидаете взгляд на зеленую улицу с домами, внешне такую же, как и все прочие улицы, и вас не кольнет даже малейшее предчувствие, что когда-то один из домов на этой улице в этом безы-

мянном городке станет домом, в котором вы проживете до конца своих дней.

Тот самый день, в конце мая 1925 года, начинался для Дугласа Воллрата точно так же, как и любой другой. Дуглас проснулся рано, мгновение лежал, глядя в потолок, а затем вскочил с постели, будто его кто-то подгонял. Этот большой дом секретарь купил для него по телефону, без предварительного осмотра, всего несколько недель назад. Требования были просты: «Что-нибудь приличное, вот и все. Побольше простора, хорошая современная кладовая и кухня, как минимум три ваннные комнаты, в уединенном месте, но не слишком далеко от города. Если оттуда будет еще и хороший вид, замечательно, но это не важно». Воллрату ничто не казалось важным, кроме авиационного завода, который он решил добавить к своей коллекции промышленной собственности.

Он поднялся с кровати в своем обычном напряжении, не относящемся к чему-то конкретному, и оно велело ему спешить, спешить, спешить, независимо от той гонки, в которой он участвовал, приза в случае выигрыша или штрафа за неудачу; с неким остаточным гневом, будто нерастраченным со вчерашнего вечера, но он всегда просыпался так. Он жил с этим столько, сколько себя помнил. Это был один из его способов сконцентрироваться по утрам, каждый день.

Дворецкий Артур был на ногах уже несколько часов, и Воллрат пробормотал ему вежливым бесцветным тоном «доброе утро», а затем торопливо позавтракал в молчании. Снаружи на длинной подъездной дорожке его ожидал автомобиль, отполированный и сверкающий в этот погожий день. Только сев за руль, Воллрат начинал ощущать некоторую стабильность.

Дуглас вел большой низкий открытый «Каннингем» слишком быстро для этой дороги, но аккуратно чуть ниже той скорости, на которой тяжелая машина потеряла бы

устойчивость. Он мчался вперед, как голубая игла, тянущая за собой толстую коричневую нить пыли. Постепенно он начал расслабляться под мягкое шуршание шин, рев двигателя и шум ветра. Ему нужно было привести в порядок каждое из пяти чувств, чтобы как-то смягчить навязчивое нетерпение, которое всякий раз охватывало его в начале любого нового предприятия за последние пять лет.

В течение нескольких недель, проведенных здесь, он позволял играть главную роль инженерам, оставшимся от предыдущего руководства, попутно проходя у них обучение. Однако сегодня собирался взять бразды правления в свои руки. У него было больше уверенности в себе и ощущения своей финансовой власти — как унаследованной, так и приобретенной, — чем у многих мужчин вдвое старше него. И все равно в это прекрасное утро он знал, что молод и будет оставаться молодым всегда. Он чувствовал свою несокрушимость. Прямо сейчас, в эту минуту, Дугласу казалось, что, если бы ему взбрело в голову вывернуть руль и врезаться в придорожное дерево, он смог бы выбраться из-под обломков и спокойно уйти, не получив ни царапины.

Прямое шоссе серой линией бежало на юг, поднимаясь и опускаясь по холмам с пышными зелеными садами. Воллрат чувствовал себя всемогущим, проезжая через самое сердце страны, — казалось, его разум способен видеть на тысячи миль вокруг. С правой стороны земля пестрела амбарами, элеваторами и зеленеющими лугами, простираясь на восток через сотни дымящих городков — к сверкающим окнам Нью-Йорка и дальше, к залитым солнцем пляжам Ист-Хэмптона. Он знал каждый квадратный дюйм на этом пути. Слева к горизонту уходили пастбища, постепенно превращаясь в сплошные две тысячи миль пшеничных полей, угольных шахт и гор, достигающих самого Сан-Франциско. Повсюду ощущалась суэта человеческих трудов и веселья. Чистый ут-

ренный воздух дрожал от накопленной жизненной силы всей страны. Дуглас сгорал от нетерпения, так торопясь в город, что не обращал внимания на пейзажи, а просто получал удовольствие от мягкой мощи двигателя.

Внезапно он осознал, как любит свою машину — будто наконец выставил ей важную оценку после нескольких недель ожидания. Он представил, как скажет: «Бывали у меня в прежние времена и “Кадиллаки”, и “Локомотивы”, и “Роллс-Ройсы”, и “Изотта” — но эта малышка превосходит их все». И его тут же захлестнула волна мучительного юношеского смущения. Он понимал, что любое подобное замечание будет выглядеть вульгарной рисовкой, независимо от того, правдиво оно или нет — ему ли всего в двадцать пять лет так выражаться: «В прежние времена...» Господи! Он терпеть не мог подобные проявления мальчишества, характерные для совсем молодых людей.

Мимо промелькнул указатель:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В УИКЕРШЕМ — ГОРОД ЧУДЕС!
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ — КУЛЬТУРА —
ГОСУДАРСТВЕННОЕ МЫШЛЕНИЕ
ТОРГОВАЯ ПАЛАТА СТОЛИЦЫ ШТАТА

Когда он преодолел очередной подъем, город показался вдали, сверкающий, как игрушка. Стремительный спуск, затем еще один подъем, долгий пологий поворот по девяностоградусной дуге, и город вырос перед ним, скользнул под колеса мощеной улицей и атаковал вывернувшимся справа трамваем, отрезая пути к отступлению. Но Дуглас был готов играть в эту игру и перехитрил противника ловким маневром. Он зашел с тыла и проскочил дальше по гладкой стали трамвайных рельс.

Взглянув на приборную панель со множеством циферблатов и счетчиков, Воллрат увидел, что указатель горячего почти на нуле. Чуть дальше по замызанной улице он заметил гараж с бензоколонкой и направился к нему.

Снаружи висела вывеска:

ГАРАЖ БРАТЬЕВ МЭЛЛОРИ

Вообще-то это строение представляло собой просто старый сарай, оклеенный выцветшей рекламой сигарет и табака. Двойная передняя дверь была закрыта и заперта на засов.

Дуглас уже собирался отъехать, когда отворилась маленькая боковая дверь гаража и оттуда в солнечный свет шагнула девушка лет двадцати пяти. У нее было изящное точеное лицо с узким подбородком и высокими скулами. Из-под зеленой шляпки с глубоким проломом в тулье («ох уж эти Зеленые Шляпки»*, — подумал Дуглас) выбивались светло-каштановые кудри. В серых, чуть раско- сых глазах читался спокойный и терпеливый ум.

Ее губы слегка изгибались в улыбке, исходящей изну- три, как у пригревшейся на солнце молодой кошки, ко- торую забавляет этот мир, известный ей с древних вре- мен. Аккуратно одетая в недорогое платье, она держала под мышкой сумочку, натягивая перчатки. Для девушки из рабочего класса, отметил Дуглас, она держится с боль- шим достоинством. Он наблюдал за ней со своего низкого сиденья, готовый к тому, что его заметят. Девушка оста- новилась, взглянула ему в глаза, на машину — без тени удивления и пошла дальше, будто видела такие автомо- били каждый день своей жизни. Он знал, что это не так.

— Механик внутри? — спросил он ровным и беспо- щадно-безличным тоном.

Девушка остановилась, все еще разглаживая перчатки, и вновь взглянула на него, явно не больше удивившись тому, что он с ней заговорил, чем сперва при его виде.

— Парни сегодня днем в университете. Гараж закрыт. Здесь есть другой примерно в миле дальше по улице в сторону центра.

* На современном сленге это означает «ветреница», «обман- щница». — *Прим. пер.*

Голос ее был низким и чистым.

— А вдруг у меня не хватит бензина, чтобы проехать эту милю?

Не моргнув глазом, она оценила сарказм, скрытый за вежливым выражением его лица. Затем взглянула на свои наручные часики и резко сдернула перчатки. У нее были небольшие ладони, явно хорошо знакомые с физическим трудом.

— Хорошо, — сказала она. — Сколько вам налить?

— Эй, постойте!.. Я не это имел в виду...

— Все в порядке, — откликнулась она с мягкой и радужной настойчивостью, по которой было件ятно, что она знала — пускай и на мгновение, что он именно это имел в виду. — Я делаю это довольно часто. В конце концов, раньше я справлялась тут в одиночку.

Она бесцеремонно приткнула свои перчатки и сумочку за небольшую пулеобразную фару на сверкающем крыле машины. Волрат молча наблюдал, как девушка прикасается к его автомобилю, будто не замечал этой дерзости. Затем откинулся на спинку сиденья, позволяя себя обслужить. Пожалуй, такую можно пригласить поужинать или даже прокатить на машине, подумал он, в отместку за то, что она задела его гордость.

— Стало быть, вы один из братьев Мэллори, — сказал он.

Ее улыбка в ответ на это выбила Дугласа из колеи своей непосредственностью. Он уже не был так уверен, что невозмутимость девушки — лишь способ привлечь его внимание. Она рассмеялась.

— Я сестра Мэллори, — пояснила она, поворачивая кран насоса. Ее узкие ладони двигались умело. Нежное лицо слегка порозовело от усилий. — Работаю в центре города. А Дэви и Кен занимаются гаражом, когда не ходят на учебу. Но сейчас они готовятся к выпускным экзаменам на инженерном факультете.